

Обсуждается ограниченность концепта «здоровый город», его нерелевантность задачам городского развития. Обозначены обстоятельства в сфере знаний и представлений, в которых идея «здорового города» может обернуться очередным инструментом манипуляции. Проведен анализ категории «место», центральной в сегодняшнем дискурсе; даны предложения по развитию указанной сферы.

Ключевые слова: место; здоровье; комфорт; идентичность; городская среда; манипуляции и подлинность в урбанизме. /

The article considers a "healthy city" as a limited concept, which is irrelevant to the tasks of urban development. It features the conditions in the field of knowledge and ideas, where the idea of the "healthy city" can turn into another manipulation tool. The article analyses the category of "place", which is the focus of today's discourse, as well as suggests some proposals for the development of the given field.

Keywords: place; health; comfort; identity; city environment; manipulations and authenticity in urbanism. /

«Здоровый город» и живое место /

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Начнем с тезиса, который, несомненно, вызовет отвращение у чиновников или маркетологов, но это отвращение взаимно. Тезис таков: живое, в т. ч. и город, не может быть... вполне здоровым. Полнота здоровья... умерщвляет, поскольку здоровое тело консервативно: оно живет самоподдержанием статуса, но не развитием, не творчеством. Для творчества нужны разрывы повседневности, просветы бытия и щели в Иное: надо видеть То, что стоит по ту сторону здоровья – о человеке ли мы говорим, о городе или об обществе в целом. Творчество, развитие, способность порождать новое – разрушительны. Да, они не всем и не всегда нужны или доступны, а тезисы о здоровье, комфорте и качестве понятны и близки всем. На этом и основывается очередной подвох, в который мы вольно или невольно рискуем попасть. Поэтому следует понимать и помнить, что концепт здоровья – инструмент остановки развития (или может в таковом качестве использоваться). Равно как и концепт комфорта или качества городской среды.

Ударить комфортом по среде и разгильдяйству
Идея среды не позволяет доверять всяким «квалити» – качественным оценкам. Квалитетрия – явление рынка, в т. ч. и консультационного, развивающегося сегодня темпами, намного опережающими развитие интеллектуального обеспечения таких занятий. Среда не бывает комфортной или дискомфортной: если она есть – тогда она опознается своей на симпатическом уровне, без экспликаций, нормативных оценок и сопоставлений с избранными кем-то и для каких-то целей образцами (как правило, идеализированными). Если же ее нет – нет и качеств (Рис. 1). Категория качества к городской среде неприменима. Среда – феномен, а феномены преобладают субъект-объектную дихотомию, т. е. в среде нет отдельно «субъекта» и «объектов». Качества среды неотчуждаемы, а поэтому оценивать как что-то внешнее городскую среду может только тот, кто в ней не обитает, кто к ней безразличен. Но он оценивает уже не среду, а что-то совсем другое: «пространство», его благоустройство (оснащенность и обеспеченность благами и прочие сугубо бюрократические фикции). Он может взять нормы, сверить с ними наличие, пригласить архитекторов и ди-

зайнеров для восполнения нормативной недостаточности и т. п. (в особо продвинутых случаях – даже собрать мнения и пожелания жителей). Но состоявшаяся (увы!) привычка называть все это «проектированием комфортной среды» или заботой о средовых качествах выражает лишь общую недоразвитость языка и метода устойчивых практик работы с городом.

Итогом массированного распространения фикции «комфортной городской среды» неизбежно станут (и уже становятся) невозможные утраты живого городского тела – от исторических домов, кем-то вдруг признанных «некомфортными», до вашей любимой скамейки в парке. Но гораздо более обширными будут утраты смысла и чувства подлинности обитаемого пространства, ощущения сопричастности горожан к существованию и развитию города.

Модернизм начинался с так называемого «гигиенизма», постмодернизм – с «прав человека»; теперь все добьет «комфорт», цинично соединенный с инородным для него понятием «среда», на которое еще оставались хоть какие-то надежды.

Живое и его рационализации

С момента возникновения городов никто не гарантировал в них здоровый образ жизни или свободу от всего нездорового. Скорее напротив (Рис. 2). Отпуская относительную безопасность и относительный комфорт как редкий и строго дозируемый товар, города – эти аттракторы всех соблазнов – ввергают в пучину совсем иных ценностей и целей. Здоровье в городах никогда не было ни ценностью, ни целью, но было разменной монетой; в лучшем случае – тем же товаром. Отчаянные пуританские попытки подчинить городское устройство идеям порядка, здоровья, нравственности, оставившие после себя специальным образом сконструированные предметы знания, обросшие со временем чем-то вроде практики, благополучно растворились в многообразии городских движений; растворятся и нынешние, не сумев подчинить себе всю полноту Города. Города пребывают в кризисе, это известно, но кризис – их обычное состояние.

Достаточно не быть больным, по крайней мере – фатально больным. Совершенное здоровье, как и пол-

^ Рис. 1. Группа Urbanautica. Городская зарисовка. Воронеж, 2013 г.

< Рис. 2. Города – извечные плацдармы борьбы норм и их нарушений, порядка и хаоса, карантина и карнавала, дисциплины и свободы. Питер Брейгель Старший. Битва Масленицы и Поста, 1559 г. Фрагмент

A “Healthy City” and a Living Place

ный порядок, существуют лишь на кладбище (Прим. 1). Но гораздо более безжизненны, чем кладбища (которые, в конце концов, не противостоят жизни, но обслуживают и оттеняют ее), так называемые «идеальные города» (Рис. 3). Общее между Идеальным и Здоровым состоит в том, что они не знают локаций. Болезнь, как и Жизнь, как и акт творчества, всякий раз локальна, всегда здесь-вот... Локализовать здоровье, как и «привязать» идеал, наверное, можно, однако такие действия отчетливо одиозны, за ними ощущается привкус самых жестоких манипуляций, и слышен вопрос: какой ценой, за счет чего или кого они осуществлены? Это вопрос о субъективности, перешедшей социально приемлемые границы, т. е. вопрос о норме: он-то всегда и обсуждается в урбанистике и других сферах, имеющих дело вовсе не со здоровьем или мечтой, идеалом или даже с реально протекающей жизнью, но с различного масштаба рамками приемлемости всего здесь и теперь – рамками, не всегда осознаваемыми. Идеальное и Здоровое – утопичны (Прим. 2) и должны таковыми оставаться. У – топичны, то есть не имеют места. Категория места (а во многих языках это синоним города) здесь центральная.

К метафизике места

Говоря «место», мы обычно предполагаем постановку кого-то или чего-то в должное им и назначенное им положение. Мы предполагаем, что адресат нашего местоуказания послушно, собаке подобно, встанет туда именно, где мы ему указали быть. Здесь уже речь не идет о властных одергиваниях или о манипуляциях – нет: обыденное указание на место чего-либо обладает уже в полной мере качествами назначения. За этими качествами стоит ряд допущений, все из которых сильны.

Первое: место есть локальность в пространстве и даже, возможно, во времени. С этим тезисом можно было бы и не спорить, если бы не все то, о чем будет сказано ниже. Второе: адресат – кем бы или чем бы он ни был – не только послушно занимает место (это допущение управленческое, то есть вторичное), но и в принципе способен:

- занимать определенное место, то есть обрести локальную позицию;

- совпадать с этим местом, не превосходя его и не оставляя пустот.

Оба эти допущения представляются чрезмерными. Локальное позиционирование умалет природу вещей, лишая их полиморфности и отказывая им в способности к диффузии, уже не говоря о трансцендентализме. Но реальные вещи точно так же не поддаются локализации, как не поддаются они руководству, требуя более реалистических стратегий действия с собой. О том, что любое «занятие места» означает вымещение из места чего-то (или кого-то) там до того находившегося, тут уж можно и не вспоминать. Однако такое вымещение в жизни создает массу проблем; представление же о «местах» как точках в пустом пространстве, эта абстракция математики, должна быть отброшена и крепко забыта: таких мест нет. Места не пусты, а пустоты безместны. Появление пустот в локусах наличного или ожидаемого присутствия должно быть отнесено к ужасающим событиям ложного воображения мира, приводящим к катастрофам. Таковы именно все катастрофы модернистского духа и производных от него мутантов, включая нацизм и большевизм. Опустынивание мира таким воображением точно описал Андрей Платонов. Живое движется, оно везде и нигде – только благодаря этому оно всякий раз здесь и теперь. Мертвое же не подлежит временной локализации (в этом его сила, издревле известная жрецам), а его пространство – выморочное и легко поддается напору извне. Поэтому модернизм и все остальные стратегии небрежного действия с местами предпочитают иметь дело с мертвым или делать мертвым то, к чему прикасаются (Прим. 3).

Совпадение замысла с местом также есть фикция технократического воображения. Места, даже создаваемые нами, всегда сложнее, «больше» и коварней наших замыслов. Такова среда: ее плотность явственно превышает фиктивную упорядоченность пространства; не знаясь с предзаданностью, она исполняет все функции не только более эффективно, чем рациональное пространство размещений, но и избыточно, что создает условия новации и сингулярности. Такая мерцающая, «экранная» онтология должна была бы существенно обновить весь инструментарий нашего мышления и деятельности. В идее

^ Рис. 3. Каковы бы ни были попытки привнести в городское устройство тотальный порядок – от урбинских ведут до «Лучезарного города» и далее – их источники расположены не в этом мире, не «здесь и теперь». И проблема вовсе не в недостижимости, но, напротив, в легкости «осуществления» надмирных идей. Лучано да Лаурана. Ведута. Урбино, ок. 1470 г.

среды предполагалось, что мы далеко уйдем по этому пути от наивных представлений об «объекте» – представлений, данных нам конвенциями, ставшими столь привычными, что уже принимаются за данные органов чувств. Но, увы, важнейшие концепты – Проектирование, Среда, и Архитектура – оказались нашими лебедем, раком и щукой, они тянут в совсем разные стороны. Этот «параллелепипед сил» уже полвека оставляет «воз и ныне там, он порождает странные мутации (об обыденных отождествлениях, равно как и о профессиональной привычке не замечать различия, здесь говорить не хочется): так, утопии оказываются реалистичней местничества, подрыв даэзин – уместней его наивного утверждения. Мода своими циклами (сегодня – опять «авангард», опять «утопии»...), все более ускоряющимися циклами, не оставляет, кажется, уже ни времени, ни сил, чтобы осмотреться, чтобы осознать разрастающуюся безместность и воспроизводящееся отсутствие, чтобы выйти из круга и неспешно обратиться к ценности места и доблести присутствия. К счастью, есть в архитектурной практике сегодня и такое, но его еще очень мало.

Зияющая язва проектности могла бы быть признана пороком на умиротворенном теле архитектуры, которой издревле приписывается умение создавать места. Но ведь архитектура, создавая места, отнюдь не лишает их неопределенности и присутствия иного, она оставляет люфты для наших метаний и déjà vu. В то время, как про-

ектность до обидного легко теряет всякую «экранность», легко, увы, становясь орудием вменения несомненного. Не стоит забывать и то, что все древнейшие средства архитектурного созидания мест посвящены загробному покою, но вовсе не мятущейся витальности. Всему живому лишь дозволяется быть между, среди их величества Форм – в среде. Проектирование же внесло в архитектуру новый «вирус», до сих пор, судя по всему, не вступивший с телом носителя в приемлемый симбиоз.

Немного об алхимии

Указанный «вирус» и порожденная им двойственность – самая суть Нового времени. Как теперь можно замышлять места – а ведь, вроде бы, это требуется от архитектурного, градостроительного или ландшафтного проектирования? Как исполнить эту совершенно немислимую миссию? (Прим. 4). Как, в самом деле, даже мыслить о ней? Картезианский параллелизм лишил места не только невинности, но и самого существования: ведь существовать в виде натуральной данности может только наивное. Нельзя не признавать, что соединение места и содержания (город), территории и мысли (регион), идеала и ландшафта (сад, парк) – вполне «алхимическая» техника, результат которой достигим долгим и интенционально напряженным действием, вроде толчения несоединимых ингредиентов в ступе, и соприроден чуду их синтеза.

Так было всегда, но после Декарта развернулись две противоположные линии: одна выросла из гордыни созидания. Но в компенсацию ей наследовала и наивность натурализма, верящего в инертность всего внемыслительного, извращающая (и парадоксально продолжающая) великую традицию Утопии тем, что напрямую отождествляла топик своего мышления с организованностями в пустоте. Планиметрический рационализм, на который обычно указывают в связи с разворачиванием этой линии, – лишь внешняя сторона дела, хотя его символизм и неслучаен, и неизбывен. Но важнее то, что алхимия и техника «пространственного соблазнения» [1] (увлечение материи вослед интенциям) отброшены здесь и заменены блуждающим технологическим насилием. Стоит ли сегодня удивляться умиранию так именно созданных «горо-

> Рис. 4. Все эти местные вещи поглощены media. П. Эйзенман. Площадь в городе Маньчжурия, Китай

дов» и «регионов»? Однако не стоит забывать и того, что едва ли не все, что мы привычно зовем проектированием (в т. ч. «градостроительным»), все еще принадлежит этой линии, все еще питается перебродившими соками надмирного воления.

Другая линия – попытки возвращения утраченной невинности. Здесь, напротив, изо всех сил делается вид, что никакой глобальности не существует, в т. ч. не существует и мышления. Наивность здесь другая: она имеет природу нативности (native), и здесь готовы с усердием толочь скучную смесь из местных ингредиентов (Рис. 4). Однако в ступку неизменно «забывают» добавить хоть что-то связующее (Прим. 5). Но, разумеется, использовать какое-то проектирование, кроме того самого, пьянящего диктатом вымысленного, не могут, как правило, и здесь. Жуткость соединения не искупается сильным разбавлением плохо очищенной утопии порожными массами подручных материалов. Этим мы собираемся лечить наши измученные города?

Существенно более осмысленной могла бы быть третья линия, возможность которой до сих пор открыта. Она могла бы базироваться на наблюдении: за пределы «мест» выходят смыслы, а не энергетические леи, как это представлялось архаическому сознанию, и не абстрактная воля чистого мышления. Точнее, феномены первого и ноумены второго – теперь уже разновидности смыслов места, хочет оно того или нет [2]. Та линия, о которой речь, должна взять такую идею именно в качестве эмпирического наблюдения, а для этого сформировать соответствующую ему, овозможную его перцептивную культуру – привычку видеть смыслы и восстанавливать маршруты их трансцендентализма. В этом нет ничего невероятного и даже нового: это, по сути, все то же фонетическое воображение пространства, описанное М. Маклюэном. Беда лишь в том, что оно ныне помалу умирает, а нам тут требуется, напротив, развитая и совершенная его форма. Откуда ее взять?

К практикам работы с городами

Ресурсы ответственности видятся в проблематике идентичности. Г. П. Щедровицкий, провозглашая, что «никаких "мест" не существует» (обращаясь к архитекторам и географам, так любящих свои теплые места), имел в виду, что нет мест в партере зрелища идентичности. Что идентичность надо, приходится, строить – сознательно и усиленно, пусть бы этот процесс и напоминал алхимическое толчение. Как прозорливо указывает, вслед за Бюффеном, А. Г. Рапппорт, состоявшаяся и подлинная идентичность обретает форму стиля. Свежесть этой мысли крайне трудно оценить в нашей цивилизации симулякров, однако именно в ней она получает небывалую конструктивность. Стиль – мифологическая действительность, истина которой пребывает в ней самой, чем и достижима хоть какая-то локализация. Разумеется, дела не решает стайлинг, мифология которого, согласно Р. Барту, транзитивна и паразитарна. Впрочем, если кому-то достаточно имитации жизни – он найдет великое множество развитых технологий такого занятия.

В отличие от последних, техники восстановления подлинной идентичности все еще в большом дефиците. Пока ясно немного, но в т. ч. и то, что места не находятся (поиском) в пространстве и не расположены (к нам) априорно. Места феноменальны, в них снимается как объективность и объектность, так и субъективность и субъектность. Но, коли так, способность иметь дело с местами превосходит всякие технологии и культуры, всякую нормативность, в т. ч. и фонетическую, где-то в неведомых глубинах платоновского «воспоминания», соединяясь с древним опытом дофонетического воображения и – страшно сказать – довербального и даже доязыкового мышления. Будучи повседневной,

эта способность латентно оперирует такими трансцендентальными энергиями, которые неместны ни в какую проектировочную методу и, возможно, ни в какой метод философской или поэтической деконструкции. Весь фокус лишь в умении выводить смыслы в непотаенность. Это умение и создает места: так Архитектура и создавала их, будучи ремесленно-жреческой практикой символического воссоединения духа и плоти. Но ремесленнику-зодчему было «легко»: соединение формы и субстрата, согласно Аристотелю, ни в малой мере не затрагивало проблему творимости формы. Мы же давно уже покусились и на эту божественную функцию, а потому наша месса по месту вынуждена быть пост-невинной, пост-проектной (если под проектированием понимать описанное выше наивничание чистого разума).

Место – топос прохвата материи духом (а территория – локус захвата материи ужасом рассудочных классификаций, terror-ом опустынивания и монотонности.) Место (place) – в невероятной гетерогенной конкретике своего трансцендентализма – гораздо в большей степени, нежели абстракции пространства и космоса (space), способно вернуть нас к категориям веры. В местах, в истинствовании созданных и дарующих подлинную идентичность, тут же просвечивает Иное, светом нездешним. Не потому ли так широко развернулась в век рационализма война с умением создавать места? Не потому ли столь усиленно стирались различия и границы между местами и даже их типами? И не потому ли так дискредитировалась сама категория места – от действий «на местах» (призванных означать территориальную привязку фикций тотальной власти), до «знай свое место» (чем предполагалось, что «место» – позиция в иерархической тотальной деятельности, но также и признавалось, что живое способно об этой условности забывать). И сегодня места, увы, не обиталища жизни, но плацдармы борьбы – исчезающие оазисы различия в океане Тождественного (Прим. 6) (Рис. 5).

Поэтому осмысленной стратегией действия с городами и средой сегодня, особенно в России, является вовсе не достижение целей, представляющихся очевидными, вроде «оздоровления», «повышения комфортности», роста/понижения плотности и пр. Имеющиеся технологии достижения всего этого не приносят социального блага, не дают удовлетворения, не защищают от втягивания в грязные манипуляции с общественным мнением и в банальное разворовывание ресурсов всех видов, включая лимит человеческого доверия. Осмысленна постановка всего известного «в скобки», постановка вопросов о происхождении наших убежденностей и ориентиров. Не стройка, но размышление; не синтез и симбиоз всего со всем, но анализ и постижение синкретических феноменов; не разбрасывание, но собирание камней. И уж точно не форсированная инноватика, демон которой все еще застит глаза администрациям, долж-

< Рис. 5. Нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности. Ж. Бодрийяр. Застройка в провинции Цзянсу, Китай

> Рис. 6.

Что и кого собрались мы оздоравливать, если в нашем собственном профессиональном сознании остаются слеплены знак и объект, модель и идея, идеальное и натуральное, архитектурная морфология со структурой диаграмм, преждевременные и неуправляемые формализации – с атактистическими штампами формообразования и прочее, прочее? Не оттого ли постоянные провалы попыток строить «здоровые города»? Начинать оздоровление стоит с ревизии профессионального инструментария (в т. ч. семиотического), концептуального аппарата, используемых форм рефлексии, с подъема методологического и гуманитарного уровня профессии

на стать задачей проектной и управленческой работы с городами [3]. После «коргии» урбанизма меньше всего урбанист сегодня имеет право на позицию и самосознание доктора – врачевателя городов. Скорее уж актуальна и востребована позиция вдумчивого ученика. Или антрополога, впервые открывающего экзотические миры. Наши знания и представления обязаны пройти стадию самокритического обнуления, пока еще есть какое-то время, пока надвигающаяся реальность не обнулила нас самих.

Охрана мест, забота о сохранении и воспроизводстве их идентичности становится центральным делом социально-экологических движений, беда которых, однако, в том, что они не очень четко понимают, от чего следует охраняться и что оздоравливать. Ведь дело, увы, не только и уже не столько в злых умыслах, сколько в методах и способах проектного мышления и прочего наследия мегамашин. Дракон живет здесь. Здоровье городов, коль уж всерьез заботиться о нем, начинается не с фильтров на трубах и не с количества зеленых насаждений на душу, но... с самой души, с защитных фильтров, которыми мы сможем ее обеспечить; оно начинается с отказа умиляться картинкам и макетам сто- и пятидесятилетней давности, со способности видеть в них «белые нитки», так долго шивавшие наши воспаленные грёзы и наши скоропостижные решения (Рис. 6). Потому так важны и нужны сегодня эксперименты по диверсификации проектирования, нацеленные не на форсированную футурологию, как в 1960–70-х, в которой так много легковесных ложных конструкций, оборачивающихся тяжелым похмельем, но, напротив, на деконструкцию неистинного, на возрождение и воспоминание подлинного.

Примечания

1. По сути, описанию «совершенного» состояния всего того, к чему так стремятся сегодня наши дизайны и сервисы, наши девелоперы и маркетологи, на что направлены заботы о комфорте и здоровье, Жан Бодрийяр посвятил свою книгу «Америка» (1986). Вот, например: «На благоухающих холмах Санта-Барбары все виллы напоминают funeral homes [место, где происходит гражданская панихида (англ.)]. Здесь, среди гардений и эвкалиптов, в изобилии видов растительности и однообразия человеческого вида, зловещая судьба реализованной утопии. В этом средоточии богатства и свободы всегда стоит один тот же вопрос: «What are you doing after

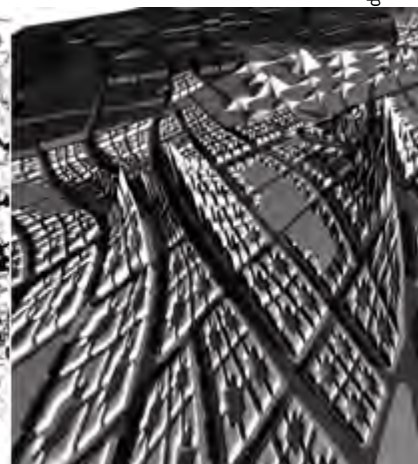
the orgy?» Что делать, когда все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти? Вот в чем проблема Америки, которую унаследовал весь остальной мир. Все дома мертвенны, и ничто не нарушает этого искусственного спокойствия. Отвратительная вездесущность зеленых насаждений как навязчивая мысль о смерти, застекленные проемы, напоминающие хрустальный гроб Белоснежки, массивы бледных и низкорослых цветов, расползающихся подобно рассеянному склерозу, бесконечное ветвление проводов над, под, вокруг дома, напоминающих катетеры в реанимационном отделении госпиталя, TV, стерео, видео, которые устанавливают контакт с внешним миром, машина, обеспечивающие связь с погребальным торговым центром, супермаркетом, наконец, жена и дети как наглядные признаки успеха, – все здесь говорит о том, что смерть в конце концов нашла себе идеальное пристанище» [4] (Рис. 7).

2. Идеал и Утопия, разумеется, должны различаться, они принадлежат различным интеллектуальным стратегиям, в чем-то и противоположным. Но сходятся они как раз на своем отсутствии в мире реальных мест и вещей, на потусторонности ему; а, будучи втянуты в практику, – на известном онемении (анестезии) в отношении собственных локализаций. Онемение – подходящее слово, поскольку проблема как раз в немоте, в отсутствии языка описания феноменов места в идеальной или утопической действительности. Отчего попытки оздоровить города уже несколько столетий неизменно прибегают к тем или иным формам анестезии – «заморозке» мест?

3. Корбюзье: «В 1922 г. я предпринял серию лабораторных исследований. Изолировав микроб, я наблюдал за его развитием. Биологическая сущность микроба выявилась с исчерпывающей ясностью. Результаты были установлены, диагноз был поставлен. Затем путем обобщения я вывел основные принципы современного градостроительства» [цит. по: 5]. Спросим себя: далеко ли ушла предметная логика сегодняшних попыток решать проблемы городов от таких диагнозов и рецептов?

4. Как существует т. н. «ландшафтное проектирование»? Что это вообще значит: взять ландшафт в качестве материала проектных полаганий? (Обратим внимание: речь не об архитектуре и не о ее способах работы с ландшафтом. Архитектура порождает Место. Если есть место – оно создано архитектурой. Вне архитектуры мест нет, а природные места мы опознаем и называем местами благодаря действию норм восприятия организованного пространства – архитектурных же, по происхождению, норм.) Но как возможно проектировать ландшафт? Подчеркнем: не ландшафт, но ландшафтом; ведь то, чего ради мы распространяем свою волеющую интенцию на ландшафты, вовсе не связано с вопросом их, несчастных, существования, их самобытности или их «желания стать тем-то и тем-то».

Итак, как возможен «ландшафтный дизайн»? Как и всякий любой дизайн (в т. ч. оформление помещений) – за счет воспитания особого вида бесчувственности к даэин (Dasein). Чем меньше доступен вам даэин, тем сильнее ваш дизайн, и наоборот: чем больше вы форсиру-

ете дизайнерские качества, тем меньше – до исчезновения (очень скорого) – остается всякого дазайн, всякой подлинности. Отсюда и «любовь» к безжизненным интерьерам (пространствам/зданиям/ландшафтам...) – только и остается, в компенсацию, уверять себя и других, что вам это нравится. Кстати, есть подозрение, что восточная культура садово-паркового искусства развилась именно благодаря культивированию изощренных техник элиминирования места и создания не нового и лучшего места, но идеального безместья. Случайно ли, что японская культура была столь значима для становления модернистских проектных практик, в т. ч. и ландшафтного проектирования?

5. Питер Эйзенман: «До сего дня существовала региональная архитектура, которая была озабочена климатом, местными обычаями, местной иконографией и т. д. Все эти местные вещи поглощены media... В местном более нет никакого содержания, как и в том, что сегодня означает местное. Поэтому архитектура, которая обычно заботилась о контексте, значении и эстетике, должна критически переосмыслить свою роль на месте, в пространстве, во времени и форме» [цит. по: 6]. (Рис. 4). В этом пассаже важна не нигилистическая позиция самого Эйзенмана, но точное свидетельство о «поглощении» лежащей на поверхности символики масс-медиа, что известно всем, занимающимся темой брендинга городов, а также стоящий за цитированной фразой призыв искать более глубокие основания выстраивания идентичности.

6. Ж. Бодрийяр в Московской лекции «Город и ненависть» (1997) предупреждал: «В этом Трансполитическом Новом Порядке над нами нависла угроза не столько лишиться самих себя (Verfremdung – очуждение), сколько лишиться всего другого, всякой инаковости (Entfremdung – отчуждение). Мы уже не претерпеваем процесс очуждения, не становимся другими (в этом присутствовала по крайней мере какая-то доля инаковости, и, оглядываясь назад, мы воспринимаем очуждение как Золотой век), нас уже не лишают нас самих в пользу Другого, нас лишают Другого в пользу Того же самого; иными словами, нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности» [7] (Рис. 5).

Литература

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
2. Капустин П. В. Запад – Восток: воображение линии // Проект Байкал. – № 54. – 2017. – С. 66–70. – Режим доступа: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1251>
3. Капустин П. В. Конверсия проектирования // Проект Байкал. – № 55. – 2018. – С. 142–147. – Режим доступа: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1306/1293>
4. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 204 с.
5. Глазычев В. Л. Эволюция творчества в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 226
6. Кияненко К. В., Анисимов Ю. В., Анисимова Л. В., Белоаярская И. К. Стратегические ориентиры развития высшего архитектурного образования. – Вологда: ВоГТУ, 2002. – С. 37
7. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. Философско-литературный журнал. – 1997. – № 9. – С. 107–116

References

- Baudrillard, J. (2000a). America. Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Baudrillard, J. (2000b). Soblazn [Seduction]. Moscow: Ad Marginem.
- Baudrillard, J. (1997). Gorod i nenavist' [City and hate]. Logos. Philosophical and literary journal, 9, 107-116.
- Glazychyev, V. L. (1986). Evolyutsiya tvorchestva v arkhitekture [Evolution of creativity in architecture]. Moscow: Stroiizdat.
- Kapustin, P. (2017). West East: Imagining the Line. Project Baikal, 14 (54), 66-70. doi:10.7480/projectbaikal.54.1251
- Kapustin, P. (2018). Conversion of Design. Project Baikal, 15 (55), 142-147. doi:10.7480/projectbaikal.55.1306
- Kiyanenkov, K. V., Anisimov, Yu. V., Anisimova, L. V., & Beloyarskaya, I. K. (2002). Strategicheskie orientiry razvitiya vysshego arkhitekturnogo obrazovaniya [Strategic targets of the development of higher architectural education]. Volgda: VoGTU.

< Рис. 7.
На благоухающих холмах Санта-Барбары все виллы напоминают funeral homes. Ж. Бодрийяр Санта-Барбара, Калифорния, США